

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕДЪМАНЪ.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Помпея. (Изъ путешествій по Ита-
 лій). Е. Вороздиной. — II. Вечеръ. (Стих.). Н. О. —
 III. Маленькій пѣвецъ. Е. Вороздиной. — IV. Звуки.
 (Стих.). Н. О. — V. Коралловый островъ на Тихомъ
 океанѣ. А. С-вой.

ПОМПЕЯ.

(Изъ путешествій по Италиі).

ДИВНО хороша дорога изъ Неаполя въ Кастельамаре и Соренто! съ одной стороны ея высятся горы, съ другой плещеть Средиземное море. Мы выѣхали изъ Неаполя по желѣзной дорогѣ и передъ нами сначала тянулись какіе-то длинные, красные дома, построенные на пересошемъ руслѣ рѣки Сабето. Дома эти—казармы. Далѣе открылся прелестный видъ: справа виднѣлся Неа-

поль и Позалиппо, сзади, въ прозрачной голубой дали, высились горы Искіи, а прямо, противъ насъ, Соренто и Капри. Поѣздъ остановился на нѣсколько минутъ въ Портити, маленькомъ городкѣ, построенномъ около самаго порта. Тутъ видѣнъ лазорево-голубой Неаполитанскій заливъ, весь залитой полуденными лучами итальянскаго солнца, и высится мрачный замокъ Ово (del'Ovo). Отсюда дорога пошла берегомъ Средиземнаго моря, голубыя волны котораго неслись съ серебряною пѣною на хребтахъ, и ударяясь о берегъ, разсыпались безчисленными жемчужинами. Желѣзная дорога пересѣкла громаднѣйшій потокъ застывшей лавы и поѣздъ остановился въ Торре-дель-Греко, прелестномъ, маленькомъ городкѣ, лежащемъ какъ разъ у подножія Везувія, и выстроенномъ на потокѣ лавы, которая въ 1831 году поглотила половину города. Торре-дель-Греко много выстрадалъ отъ изверженій Везувія въ 1737 и 1799 годахъ, и въ особенности много вынесъ онъ отъ изверженія 1861 года. Одиннадцать маленькихъ кратеровъ открылись надъ самымъ городомъ, дома колебались, улицы покрывались слоями пепла и самый берегъ моря приподнялся на цѣлый метръ. Здѣсь до сихъ поръ видно множество полуразрушенныхъ домовъ, глыбы лежащихъ камней, кучи лавы—все признаки послѣдняго изверженія. Отсюда, вплоть до города Торре-дель-Анунціата, глазамъ путешественника представляются страшныя опустошенія, причиненныя изверженіями; что, впрочемъ, вовсе не мѣшаетъ людямъ снова строиться и селиться тутъ же, такъ что въ Неаполѣ сложилась поговорка: „Napoli fa recessiti et la Torre il rega, т. е. Неаполь грѣшитъ, а Торре расплачивается.

Проѣхавъ еще потокъ лавы, мы остановились въ Торре-дель-Анунціата, прелестномъ оживленномъ городкѣ. Отсюда видны Каstellамаре съ своимъ голубымъ заливомъ и горою Сентъ-Анджело, а, далѣе, позлащенное лучами солнца рисуется Соренто. Тутъ мы вышли изъ вагона и, взявъ коляску, отправились въ Помпею, этотъ подземный городъ, пролежавшій подъ лавою и пепломъ цѣлые вѣка.

Дорога шла между полями хлопчатника. День былъ жаркій и южное итальянское солнце давало себя чувствовать намъ, жителямъ сѣвера, а мелкая известковая пыль усиливала жару. Наконецъ показались большіе, бѣлые холмы, едва покрытые растительностью—это холмы отъ раскопокъ Помпей. Коляска наша остановилась у гостинницы дома Диомеда. Домъ этотъ одинъ изъ обширнѣйшихъ домовъ Помпей. Онъ окруженъ померанцовыми и лимонными деревьями, кто знаетъ, можетъ быть такими же, какія цвѣли вокругъ него за 1,000 лѣтъ до нашего времени. Мы вошли въ нее, чтобы отдохнуть и позавтракать, а потомъ отправились на верхъ, въ кассу, чтобы получить билеты и проводника для осмотра Помпей.

Нельзя выразить того впечатлѣнія, какое производитъ на живаго человѣка этотъ замогильный городъ, столько вѣковъ похороненный подъ землею. Когда ходишь по его улицамъ, совершенно непохожимъ на наши, вся исторія Римской имперіи, встаетъ передъ вами, какъ привидѣніе. Передъ вами являются тѣни людей временъ давно прошедшихъ, вы какъ будто видите тѣхъ римлянъ, которые въ блестящую эпоху своей имперіи предписывали законы чуть ли не всему тогдашнему міру, ихъ роскошь, нѣгу, побѣды. Высокая цивилизація ихъ воскресаетъ передъ вами въ величественныхъ памятникахъ, художественныхъ статуяхъ и картинахъ. Вся жизнь древнихъ римлянъ во всей полнотѣ и красотѣ отпечатлѣлась на этомъ замогильномъ городѣ. Но чтобы оцѣнить и уяснить себѣ всю занимательность и важность Помпей, должно вспомнить ея исторію.

Помпея стала извѣстна еще за 300 лѣтъ до Р. Х., но памятники ея указываютъ на болѣе древнее происхожденіе этого города. Помпея была основана осками, находилась въ Кампаньи и была построена въ глубокомъ заливѣ, называвшемся Кратерскимъ, который былъ образованъ изъ двухъ мысовъ—Мизенскаго и мыса Минервы. Городъ этотъ былъ не только на берегу моря, но и при устьѣ рѣки Сорнуса,
1*

тогда судоходной, нынче же ручья Сорно, который въ настоящее время течетъ далеко отъ своего первоначальнаго русла. Помпея была построена на высокомъ холмѣ, образованномъ лавою; вѣроятно же всего, что холмъ этотъ былъ когда-то жерломъ вулкана, такъ какъ около Везувія часто образуются подобныя жерла.

Такимъ образомъ, Помпея занимала обширную скалу на самомъ берегу моря, которое славилось, да и до сихъ поръ славится своими прелестными видами; городъ этотъ въ то же время стоялъ при входѣ въ самую плодоносную равнину, въ сосѣдствѣ съ судоходною рѣкою, почему и былъ въ одно и то же время военнымъ портомъ и торговою пристанью. Не удивительно, что греческая цивилизація рано была усвоена помпеянами. Послѣ войны съ семитами, въ которой Помпея приняла участіе, она перешла подъ владѣтельство римлянъ; но во время соціальной войны помпеянцы, вмѣстѣ съ другими народами Италіи, возстали противъ римлянъ. Силла разбилъ возмущившихся, осадилъ Помпею, но безъ успѣха; однакоже, послѣ этой войны, именно въ 82 г. до Р. Х., Силла основалъ въ Помпеѣ военную колонію для римскихъ войскъ, которымъ туземцы должны были уступить третью часть своихъ земель. Мало по малу Помпея совершенно итальянизировалась и стала однимъ изъ богатѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ Римской имперіи. Ея прелестныя окрестности привлекали римскихъ аристократовъ, которые строили здѣсь свои лѣтніе дворцы, такъ что всѣ окрестности Помпеи, вплоть до Везувія, покрылись жилищами, а берега Средиземнаго моря до самаго Неаполя застроились деревнями, дворцами, виллами, украсились роскошными садами, виноградниками, и весь заливъ принялъ видъ одного громаднаго города. Римскіе императоры оказывали большое покровительство Помпеѣ. Однакоже, несмотря на всѣ преимущества, данныя этому городу, какъ природой, такъ и людьми, Помпея находилась въ постоянной опасности, благодаря близкому своему сосѣдству съ грознымъ Везувіемъ.

И дѣйствительно, въ 63 г. по Р. Х., т. е. за 1800 лѣтъ до нашего времени, Помпея испытала ужасное землетрясеніе, пробудившее крѣпко заснувшаго Везувія. Это землетрясеніе описано Сенекою. „Большая часть Помпей“, пишетъ онъ, „ея храмы, портики, театры и множество частныхъ домовъ были совершенно разрушены. Жители пришли въ неописанный ужасъ, многіе изъ нихъ сошли съ ума отъ страха, животныя задохались“. Послѣ этой катастрофы римскій сенатъ разсуждалъ, не лучше ли воспретить возобновленіе города; однакоже это запрещеніе существовало не долго: городъ сталъ отстраиваться лучше и роскошнѣе прежняго, несмотря на то, что небольшія колебанія земли повторялись и служили предвѣстниками новаго изверженія. Постройки города далеко еще не были окончены, когда разразилось новое землетрясеніе и вмѣстѣ съ нимъ страшное изверженіе Везувія. Это случилось въ 77 году, когда въ Римѣ царствовалъ императоръ Титъ, прозванный Милосердымъ. Очевидецъ этой ужасной катастрофы Плиній Младшій, едва не сдѣлавшійся ея жертвою, описываетъ это страшное событіе въ письмѣ своемъ къ Тациту. Вотъ отрывокъ этого письма.

„Дядя мой (Плиній Старшій или Натуралистъ), пишетъ Плиній Младшій, былъ въ Мизенѣ и начальствовалъ надъ флотомъ. Двадцать третьяго августа, около трехъ часовъ пополудни, мать моя сказала ему, что показалось какое-то чудное облако, необыкновенной величины. Въ это время дядя, по своему обыкновенію, отдыхалъ на солнцѣ; но тутъ всталъ и взомель на такое мѣсто, откуда ясно могъ видѣть чудо. Трудно было различить, изъ какой горы выходитъ облако, но послѣ событіе показало, что оно было изъ Везувія. Фигурою облако это походило на дерево, въ особенности на пинію *), потому что, поднявшись высоко въ видѣ

*) Пинія—хвойное дерево, въ родѣ нашей сосны, оно принадлежитъ собственно Италіи и имѣетъ куполообразную крону, которая дѣлается искусственно; нижнія вѣтки дерева обрубаются и оставляются однѣ верхнія, которыя и образуютъ крону.

столба, оно расширялось на верху и принимало форму распростертых вѣтвей... Облако казалось то бѣлымъ, то чернымъ, то радужнымъ. Такое чудное явленіе изумило моего дядю, отличнаго ученаго, и онъ рѣшился разсмотрѣть его поближе. Онъ велѣлъ приготовить себѣ шлюпку и спросилъ меня, не хочу ли я ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Я отвѣчалъ, что лучше желаю заняться ученіемъ, да къ тому же онъ самъ поручилъ мнѣ что-то написать. Только что дядя вышелъ съ таблетками въ рукахъ, какъ войско съ флота, стоявшаго въ Ретинѣ, испуганное угрожавшей опасностью, такъ какъ Ретина подлѣ самаго Везувія и спасти изъ нея можно только моремъ, умоляло дядю спастися. Дядя однакоже не перемѣнилъ своего намѣренія и съ геройствомъ упорствовалъ въ томъ, на что рѣшился сначала изъ любопытства. Онъ велѣлъ подвести галеру и отправился узнавать, какую помощь можно подать не только Ретинѣ, но и всѣмъ прибрежнымъ селеніямъ. Онъ торопился къ тому мѣсту, откуда всѣ бѣжали, и гдѣ, казалось, была наибольшая опасность. Его присутствіе духа было такъ велико, что едва онъ замѣчалъ что либо необычайное, тотчасъ же диктовалъ свои замѣтки. На суда уже стали долетать пепель, и тѣмъ гуще, чѣмъ ближе они подплывали къ берегу. Наконецъ стали падать раскаленные камни; море будто хотѣло выйти изъ береговъ, которые стали неприступными отъ навалившихся на нихъ громадныхъ камней. Остановившись на нѣсколько минутъ въ раздумѣ, возвратиться или нѣтъ, дядя сказалъ кормчему: „счастье покровительствуетъ смѣлымъ, плывемъ къ Помпеніанусу“. Помпеніанусъ былъ въ Стабіи (нынѣшней Кастерльамаре) въ такомъ мѣстѣ, которое отдѣлялось небольшимъ заливомъ, незамѣтно образуемымъ у здѣшнихъ береговъ моремъ. При видѣ опасности, хотя и отдаленной, но быстро приближающейся, Помпеніанусъ перенесъ всѣ свои пожитки на корабли и ждалъ только уменьшеніе противнаго вѣтра, чтобы отплыть отъ берега. Этотъ же самый вѣтеръ былъ очень благоприятенъ для моего дяди, такъ что онъ скоро вышелъ на

берегъ и расцѣловаль своего, дрожавшаго отъ страха, друга, ободряль своею увѣренностью старался разсѣять страхъ его, и, наконецъ, велѣль нести себя въ баню. Между тѣмъ, во многихъ мѣстахъ Везувія показалось пламя, которое, благодаря темнотѣ, было необыкновенно ярко. Дядя мой, желая успокоить спутниковъ, увѣряль ихъ, что 'это горятъ деревни, покинутыя жителями. Затѣмъ онъ легъ спать и спать крѣпко. Дворъ, по которому проходили въ его комнату, сталъ наполняться пепломъ такъ сильно, что скоро по немъ не было бы прохода. Дядю разбудили. Онъ вышелъ къ Помпеніанусу и другимъ не спавшимъ товарищамъ. Стали разсуждать—запереться ли въ домѣ или выйти въ полѣ, такъ какъ дома отъ частыхъ ударовъ землетрясенія колебались какъ будто бы, кто снялъ ихъ съ фундамента и швыряль то въ одну, то въ другую сторону. Наконецъ всѣ вышли изъ дома, покрывъ головы подушками, привязанными платками—единственная взятая ими предосторожность. Въ другихъ мѣстахъ начинался день, но вокругъ нихъ была черная, ужасная ночь, мракъ, который отчасти освѣщался множествомъ факеловъ. Рѣшили идти къ берегу и посмотреть въблизи, что дѣлается съ моремъ. Тутъ дядя мой попросилъ воды, напился, велѣль разостлать простыню и улегся на ней. Вдругъ необыкновенно сильное пламя и удушливый сѣрный запахъ заставилъ всѣхъ бѣжать. Поддерживаемый двумя слугами, дядя мой всталъ, но въ тоже мгновеніе упалъ мертвымъ. Я думаю, что онъ задохся, такъ какъ всегда былъ слабогрудымъ. Черезъ три дня, когда снова стало свѣтло, тѣло его было найдено на томъ же мѣстѣ, совершенно цѣлымъ—казалось, онъ спалъ, а не умеръ“.

Далѣе, въ другомъ письмѣ къ Тациту, Плиній продолжаетъ свой рассказъ. „Послѣ отъѣзда дяди я занимался изысканіемъ, которое помѣшало мнѣ отправиться съ нимъ. Землетрясеніе продолжалось уже нѣсколько дней и мало тревожило насъ, такъ какъ оно очень обыкновенно въ городахъ и селеніяхъ Кампаньи. Но въ эту послѣднюю ночь

было такое ужасное землетрясеніе, что, казалось, всѣ предметы не колебались, но сокрушались. Въ семь часовъ утра въ мою комнату поспѣшно вошла мать моя: было такъ темно, какъ будто бы еще и не начинало свѣтать. Удары сдѣлались такъ сильны, что оставаться въ городѣ было не безопасно. Мы вышли изъ него съ толпою народа; но едва вышли, какъ остановились—тутъ были новыя чудеса, новыя ужасы. Экипажи, слѣдовавшіе за нами изъ города, такъ сильно качались, что даже, обложенные камнями, они не удерживались на мѣстѣ. Море точно опрокидывалось само на себя и отталкивалось отъ берега колебаніями земли. Дѣйствительно, берегъ сталъ гораздо обширнѣе и покрылся множествомъ рыбъ, очутившихся на пескѣ. Страшное, черное облако раздиралось пламенемъ и огни этого пламени змѣнились, подобно нескончаемой молніи. Облако это почти тотчасъ упало на землю и скрыло отъ насъ Мизенскій мысъ. Началъ падать пепель. Мы были точно въ комнатѣ, въ которой внезапно погасили всѣ свѣчи. Вы слышали бы только стоны женщинъ, вопли дѣтей, крики мужчинъ, перекликавшихся между собою... многіе молили боговъ о помощи, иные думали, что все уже кончено и наступила послѣдняя ночь, когда все перейдетъ во тьму. Показался блескъ, но онъ былъ не возвращеніемъ дня, а приближеніемъ пламени, которое однакоже остановилось далеко отъ насъ, а насъ снова окружалъ мракъ. Пепельный дождь усилился такъ, что мы принуждены были безпрестанно вставать и отряхаться. Наконецъ, мало по малу густой, черный паръ разсѣялся, исчезъ, какъ туча. Показалось солнце, красноватое, какъ бы во время затмѣнія“.

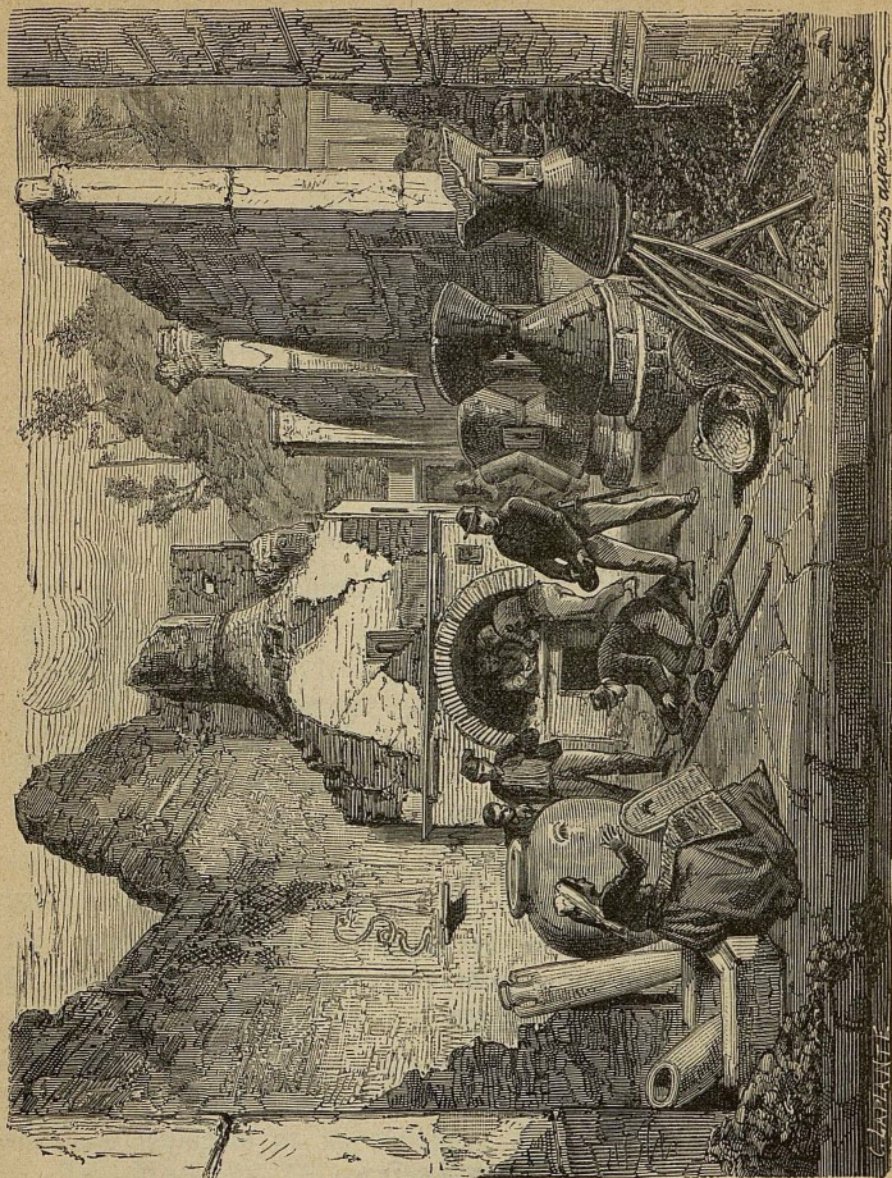
Но чего Плиній не говорить и чего онъ тогда не могъ знать, это то, что подземный огонь сорвалъ вершину горы, которая, раздробившись на безчисленное множество кусковъ, вмѣстѣ съ потоками лавы покатила къ морю. При этомъ пепель и зола переносились даже въ Египетъ. Можно вообразить себѣ, что было съ Помпеею, кото-

рая стояла очень близко отъ жерла вулкана. Земля тряслась, густой, непроницаемый дымъ выходилъ изъ кратера Везувія и изъ него раздавались страшные удары. На верху носились тучи пепла и золы. Помпеянцы въ ужасѣ оставляли свои дома, ища спасенія въ бѣгствѣ; но бѣдствіе становилось все ужаснѣе и ужаснѣе. Сорвалась вершина горы, какъ уже сказано выше, раскаленные камни, какъ дождь, посыпались вмѣстѣ съ пепломъ, и потекли потоки огненной лавы. Страшный мракъ царилъ вездѣ. Мало по малу, камни и пепель покрыли улицы Помпеи, ея дома, и наконецъ, совершенно засыпали городъ. Облака пепла были такъ сильны, что не видно было солнца. Наконецъ, воздухъ сталъ очищаться, показалось солнце; оно освѣтило Помпею и ея окрестности. Вся мѣстность измѣнилась. Помпея исчезла, засыпанная обрушившеюся вершиною горы, и съ нею вмѣстѣ погибли Геркуланумъ, нынѣшній Портичи и Стабія — Кастельамаре.

Прошли цѣлые вѣка съ тѣхъ поръ, какъ Помпея исчезла съ лица земли и была совершенно забыта. Люди снова стали селиться на этихъ же самыхъ мѣстахъ, потомки начали жить на могилахъ своихъ предковъ. Толстый слой пепла, золы и земли, скрывавшій эти три, когда-то, прелестныхъ города, до того былъ плодороденъ, что соблазнилъ жителей: они начали воздвигать зданія, разводить виноградники, сажать апельсинныя и лимонныя рощи, сады, огороды, стали рыть колодцы, проводить дороги и проч., совершенно забывъ сосѣдство грознаго Везувія. При такихъ работахъ находили и выкапывали различныя вещи, когда-то принадлежавшія этимъ городамъ, домашнюю утварь, статуи и проч., но все это оставлялось безъ вниманія, никому не приходило въ голову, что потомки попираютъ ногами художественныя произведенія предковъ. Наконецъ, въ 1502 году архитекторъ Фонтана началъ устраивать подземный водопроводъ, посредствомъ котораго должны были провести воду изъ рѣки Сарно въ Торре-дель-Анунціата (древній Оплонтъ). Онъ проводилъ

его среди Помпей, такъ что прорылъ много улицъ, находилъ каменья съ надписями и наткнулся на амфитеатръ; но все-таки никто не обратилъ на Помпею ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ, въ 1748 году одинъ земледѣлецъ, копая землю, нашелъ бронзовую статую. Находка эта заставила короля Карла III обратить вниманіе на Помпею, тѣмъ болѣе, что открытіе Геркуланума сильно заинтересовало его, и онъ велѣлъ начать раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ скрывалась Помпея, которую сначала приняли за Стабію. Работы начались, но шли медленно и безъ всякой системы. Отрыли амфитеатръ и другія части города, но никто не заботился объ отрытыхъ зданіяхъ: они не только подвергались разрушенію, но нерѣдко снова были засыпаемы, — довольствовались найденными статуями и драгоценными вещами. Въ Неаполѣ воцарились Мюраты, они скупили всю землю, покрывавшую Помпею, и обратили ее въ государственную собственность. Въ это-то время отрыли въ Помпѣѣ Форумъ, два театра, храмъ Изиды и Ескулапа, городскія ворота, нѣсколько гробницъ и много частныхъ домовъ. Но все это продолжалось не долго: Бурбоны возвратились и работы не только были прекращены, но вся земля была продана въ частныя руки и раскопки совершенно прекратились — ихъ производили только въ присутствіи коронованныхъ и знатныхъ лицъ, посѣщавшихъ Помпею, о сохраненіи отрытыхъ зданій и найденныхъ вещей не заботились.

Въ 1860 году всѣ маленькія государства Италіи соединились въ одно цѣлое государство, — въ составъ его вошло Неаполитанское королевство и тогда уже началась систематическая раскопка погребенной Помпей. Главное завѣдываніе надъ работами было поручено свѣдущему инженеру Фіорелли, который располагаетъ значительными средствами и имѣетъ 700 рабочихъ, благодаря чему, въ нѣсколько лѣтъ отрылъ и открылъ гораздо больше, нежели во всѣ предыдущія тридцать лѣтъ. Нынче отрыта третья часть города и кажется самая лучшая часть его. Устроенъ музей, въ со-

РАСКОПКА ПОМПЕИ.

храняются открытыя вещи, устроена библіотека, гдѣ находятся сочиненія, относящіяся до Помпеи. Здѣсь же и мастерская, въ которой исправляются и чинятся попорченныя вещи.

Е. Бороздина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕЧЕРЪ.

ОГДА настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда,
Какъ ласточка, неуловимо

По лону водъ скользи крыломъ,
Несется быстро, быстро мимо—
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ—
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко.
Мнѣ грезятся иные годы,
Такой же вечеръ у пруда,
И тихо дремлющія воды,
И одинокая звѣзда,
И ласточка,—и все, что было,
Что сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

Н. Р.

МАЛЕНЬКИЙ ПѢВЕЦЪ.

(Дѣти-музыканты).

I.

ОЛГО бродила я по улицамъ красавицы Флоренціи и вышла къ прелестному мосту Santa Trinita, перекинутому чрезъ Арно, украшенному статуями четырехъ временъ года. Я перешла мостъ, пошла вдоль берега рѣки и скоро набрела на маленькую хижину. Бѣдный домикъ стоялъ одиноко у самой рѣки, бѣлыя стѣны его были обвиты виноградомъ, кругомъ росли кусты пахучей жимолости и жасминовъ, большое лавровое дерево стояло среди грядокъ, на которыхъ пестрѣли яркіе цвѣты. Птички весело чирикали въ кустахъ, цвѣты наполняли воздухъ ароматомъ. Отъ домика вѣяло такой свѣжестью, такую опрятностью, что я залюбовалась имъ. Вдругъ изъ-за кустовъ жасминовъ раздался чистый, звучный дѣтскій контральто, онъ пѣлъ пѣсенку, которую передаю въ переводѣ:

Ave Maria *)! Далеко несется звонъ призывнаго колокола, въ храмахъ Божьихъ поется пѣснь Дѣвъ Маріи!

*) Ave Maria—молитва Богородицы, которая соответствуетъ нашей молитвѣ: „Богородица Дѣво радуйся и пр.“ и которая у католиковъ поется ежедневно въ церквахъ, при солнечномъ заходѣніи.

Ave Maria! Сонмы лучезарныхъ ангеловъ, передъ трономъ Всевышняго, поютъ тебѣ, Дѣва Пречистая, хвалебную пѣснь.

Ave Maria! Зайдетъ солнышко, заснетъ вся природа, дитя въ колыбелькѣ, птичка въ гнѣздышкѣ.

Въ этомъ дѣтскомъ голосѣ слышалась грусть, какъ будто рыданіе и при послѣднихъ словахъ пѣсни изъ-за кустовъ вышелъ мальчикъ лѣтъ семи. Его темные волосы рассыпались кудрями по плечамъ, черные, выразительные глаза блистали слезами, а смуглыя щечки были блѣдны. Одѣтъ онъ былъ бѣдно, но опрятно. Я вынула мелкую монету и сунула ее въ руку мальчика, глаза его заискрились неподдѣльнымъ удовольствіемъ.

Мальчикъ этотъ былъ сынъ бѣдной вдовы, которой принадлежала хижина. Его звали Джакото. Отецъ его былъ рыбакомъ и года два тому утонулъ въ Арно, оставивъ вдову съ тремя маленькими дѣтьми безъ всякихъ средствъ, такъ какъ онъ содержалъ всю семью своимъ рыбацкимъ промысломъ. Не легко было бѣдной вдовѣ прокормить такую семью и несмотря на то, что двое старшихъ изъ нихъ Джакото и сестра его Тонета по мѣрѣ силъ своихъ помогали матери, имъ все-таки часто приходилось голодать. Тонета, дѣвочка восьми лѣтъ, растила въ своемъ саду цвѣты, изъ которыхъ составляла букеты и носила продавать ихъ во Флоренцію, въ то время какъ Джакото игралъ на мандолинѣ и пѣлъ на улицахъ той же Флоренціи, но какъ часто бѣдные дѣти возвращались домой, не добывъ ни копѣйки. Мать ихъ, оставаясь дома съ своей меньшей трехлѣтней дѣвочкой, весь день пряла, мыла, шила, но зарабатывала очень мало и вся семья перебивалась изо-дня въ день.

Маленькій Джакото сталъ звать сестру, которая скоро пришла къ нему, неся въ рукахъ корзину съ цвѣтами. Дѣти оживленно стали разговаривать, можно было понять, что они собираются въ городъ. Я купила у Тонеты нѣсколько букетовъ и пошла обратно во Флоренцію. Дорогой

мнѣ вспомнилась исторія одного мальчика, который подобно Джакото былъ бѣденъ и сталъ знаменитымъ человѣкомъ. Это было очень и очень давно въ 1527 году. Мальчикъ этотъ жилъ на берегу Тибра, около маленькаго города Палестрино.

Тамъ же какъ и тутъ, стояла бѣдная хижина, въ которой жила вдова съ своимъ маленькимъ сыномъ. Хорошенькій садикъ окружалъ хижину, въ немъ росли миртовые и лавровыя деревья, кусты розъ и жасминовъ, въ которыхъ весело пѣли птички, но звонче ихъ пѣнья раздавался свѣжій, молодой голосъ маленькаго сына вдовы.

Однажды, въ прекрасный весенній вечеръ мальчикъ пѣлъ свою обычную пѣсенку, когда около забора сада остановился какой-то путешественникъ. Онъ съ восторгомъ слушалъ пѣніе ребенка а наконецъ увидалъ и самого пѣвца, который стоялъ, прислонившись къ дереву и пѣлъ, тогда какъ слезы крупными каплями катились по его смуглымъ щекамъ. Незнакомецъ тихо и ласково подозвалъ къ себѣ мальчика.

— Какъ зовутъ тебя, милый мой мальчикъ? спросилъ онъ его.

— Алонзо, отвѣчалъ ребенокъ.

— Кто же твой отецъ? Какъ зовутъ его?

— Отца у меня нѣтъ, онъ давно умеръ.

— А мать твоя?

— Мама моя живетъ вотъ тутъ. Вамъ надобно ее?

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, отвѣчалъ незнакомецъ, но какъ зовутъ твою мать?

— Джіована Піетро.

— Чѣмъ живете вы?

— Мама цѣлый день прядетъ, а когда нарядетъ много, много, я ношу пряжу въ Палестрино къ ткачу, получаю деньги за ея работу и приношу ихъ къ ней. На эти деньги мы на рынкѣ покупаемъ хлѣбъ и кой-какіе припасы; изъ большихъ черныхъ глазъ мальчика выступили слезы.

— А ты, дитя мое, что дѣлаешь?

— Учусь, отвѣчалъ мальчикъ. Милая моя мама сама учитъ меня; я уже умѣю читать и писать. По вечерамъ, когда мама бываетъ довольна мною, мы вмѣстѣ, при свѣтѣ луны, поемъ хвалебную пѣснь Богородицѣ, нашей небесной Царицѣ. Вы вѣдь вѣрно знаете эту пѣснь и малютка своимъ чуднымъ серебрястымъ голосомъ запѣлъ пѣснь Богородицѣ.

— А какъ называется та пѣснь, которую ты пѣлъ когда я подошелъ къ вашему забору?

— О! та пѣсенка совсѣмъ другая, говорилъ мальчикъ, ту пѣсенку я всегда пою вмѣсто завтрака.

— Какъ вмѣсто завтрака? Что это значить? Я не понимаю тебя, дитя мое?

Мальчикъ осмотрѣлся кругомъ и шопотомъ сказалъ:

— Ту пѣсенку я пою когда у мамы нѣтъ денегъ и у насъ нѣтъ завтрака.

— Да ты, дитя, пожалуй и нынче не завтракалъ! воскликнулъ незнакомецъ.

— Тетъ! Тетъ! сказалъ мальчикъ, прикладывая палецъ къ губамъ, тише, тише, пожалуй мама услышитъ, она вѣдь не знаетъ, что я голоденъ.

— Бога ради, дитя, подожди меня здѣсь, я сейчасъ возвращусь. Съ этими словами незнакомецъ быстро ушелъ и мальчикъ остался у рѣшетки, въ недоумѣніи, что это значить; но незнакомецъ скоро вернулся, неся въ рукахъ большую корзину.

— Возьми дитя мое, это тебѣ и твоей матери на завтракъ. Ужъ если ты, голоденъ, то мать твоя вѣроятно давно ничего не ѣла.

Мальчикъ широко раскрылъ свои черные глаза и удивленно смотрѣлъ на незнакомца.

— Что же ты не берешь, Алонзо?

— Добрый господинъ, говорилъ мальчикъ, скажите мнѣ какъ зовутъ васъ?

— Какъ меня зовутъ, это тебѣ незначѣмъ знать, отвѣ-

чалъ незнакомецъ, я путешественникъ и вѣроятно нынче же уѣду изъ Палестрины.

— Скажите мнѣ ваше имя, настаивалъ мальчикъ, скажите мнѣ его, добрый господинъ, чтобы я и мать моя могли молиться за васъ Богородицѣ. Вѣдь я бѣдный мальчикъ и ничѣмъ не могу отблагодарить васъ.

— О! дитя, если ты непременно хочешь отблагодарить меня, то спой мнѣ свою пѣсенку.

— Только-то, улыбнулся ребенокъ, и звучная пѣснь его раздалась по саду. Онъ пѣлъ съ такимъ чувствомъ, что незнакомецъ не помнилъ себя отъ восторга.

— Какой голосъ! Какой голосъ, шепталъ онъ. Я отдалъ бы все мое состояніе, еслибы могъ купить его для моего сына.

Мальчикъ кончилъ свою пѣсенку и смотрѣлъ на незнакомца съ удивленіемъ.

— Дитя мое, сказалъ послѣдній, горячо цѣлуя мальчика въ его кудрявую головку, голосъ твой дороже серебра и золота. Но уже смеркается, прощай, дитя мое. Если когда нибудь судьба заброситъ тебя во Фландрію, въ городъ Антверпенъ, спроси тамъ Андрея Валькенера, постучись къ нему въ дверь и скажи: Валькенера, къ тебѣ пришелъ маленький Алонзо изъ Палестрины, и ты найдешь друга. И Андрей Валькенера, фламандскій музыкантъ, крѣпко пожавъ руку своего маленькаго друга, быстро скрылся за деревьями.

II.

Много прошло времени со дня свиданья Алонза съ незнакомцемъ. Дѣла въ бѣдной хижинѣ не поправлялись, да и какъ было имъ поправиться. Трудно жить на свѣтѣ бѣднымъ людямъ, да еще работою женщины. Стѣны бѣленькаго домика покривились, почернѣли и пришли въ ветхость. Алонза не было дома. Бѣдный мальчикъ шелъ изъ Палестрины домой; онъ шелъ медленно, тихо, грустно опустивъ свою курчавую головку, смуглое личико было задумчиво, въ глазахъ стояли слезы. Тихо подошелъ онъ къ калиткѣ сада

и почти на цыпочкахъ вошелъ въ домъ. Мать его сидѣла за прялкой и съ какимъ-то отчаяніемъ смотрѣла на свою работу.

— Мама! Мама! ты опять плачешь, воскликнулъ Алонзо, бросаясь обнимать свою молодую мать, прекрасное лицо которой было прорѣзано преждевременными морщинами, проведенными горемъ и нуждою.

— Нѣтъ, нѣтъ, бѣдный мой мальчикъ, я не плачу. Но скажи, дитя, что дѣлалъ ты въ городѣ?

— Милая, дорогая мама, говорилъ Алонзо, опускаясь на колѣни и обнимая мать, споемъ вмѣстѣ нашу вечернюю пѣсенку.

— Стало быть ничто не удалось, сказала мать, всплеснувъ руками. Боже мой! Боже мой! Но говори же, дитя, что сдѣлалъ ты въ городѣ?

— Что же сказать тебѣ, мама? Ткачъ не далъ денегъ впередъ за работу, и булочникъ не далъ хлѣба безъ денегъ, и намъ, мама, вмѣсто ужина надо спѣть нашу вечернюю пѣсенку.

— Господи! Господи! и ты оставляешь меня, говорила бѣдная женщина, заливаясь слезами.

— Мама, мама, милая, дорогая, не огорчайся, не плачь, говорилъ Алонзо, обнимая колѣни матери. Андрей Валькнеръ сказалъ мнѣ, что голосъ мой дороже серебра и золота. Съ какой бы радостью отдалъ бы я его булочнику за кусокъ хлѣба.

Бѣдный мальчикъ былъ очень голоденъ.

— Боже мой! Боже мой! рыдала мать.

— Мама милая, дорогая, не плачь, говорилъ Алонзо, схвативъ исхудалую руку матери и прижимая ее къ сердцу. Знаешь, мама, теперь я сталъ больше, умнѣе, умѣю читать, писать, считать и знаю еще кой-что, скажи же мнѣ отъ чего у меня, какъ у другихъ дѣтей, нѣтъ папы, отъ чего мы всегда одни и у насъ нѣтъ друзей. Пожалуйста скажи мнѣ, откуда пришла ты сюда въ бархатномъ платьѣ, какъ говорятъ наши сосѣдки. Скажи мнѣ все, все, я буду слушать—эта будетъ наша пѣсенка вмѣсто ужина.

— Хорошо, дитя мое, я все расскажу тебѣ, слушай. Мнѣ не было еще и двухъ лѣтъ когда умеръ отецъ мой, а за

нимъ вскорѣ умерла и мать моя и я осталась круглой сиротою. Мои тетка и дядя взяли меня къ себѣ; они жили въ Римѣ и торговали шелкомъ.

Пятнадцать лѣтъ я вышла замужъ за ихъ сына, своего двоюроднаго брата, онъ то и былъ твоимъ отцемъ. Вскорѣ послѣ нашей свадьбы отецъ и мать твоего отца передали ему всю свою торговлю, а сами поселились на дачѣ въ окрестностяхъ Рима, гдѣ оба и умерли. Отецъ твой ничего не смыслилъ въ дѣлахъ торговли, не умѣлъ вести ихъ, попалъ въ руки обманщиковъ, которые надували покупателей и твоего отца, такъ что онъ лишился общественнаго довѣрія и попалъ въ руки ростовщиковъ. Черезъ три года послѣ нашей женитьбы домъ нашъ наполнился кредиторами, требовавшими немедленной уплаты. Я въ отчаяніи спряталась въ самую отдаленную комнату дома, гдѣ отецъ твой и нашелъ меня.

— Дорогая жена, сказалъ онъ мнѣ, спасайся. Бѣги чрезъ калитку сада, бѣги въ Палестрину и жди меня тамъ.

Я не соглашалась, не хотѣла оставить его одного, но онъ настаивалъ, сердился и наконецъ, сунувъ мнѣ въ руки кошелекъ съ деньгами, вывелъ меня изъ саду и велѣлъ идти, я даже не успѣла переодѣться и какъ была въ бархатномъ платьѣ и шелковыхъ башмакахъ, такъ и пошла въ Палестрину. Шла я два дня и двѣ ночи, избѣгая человѣческихъ жилищъ, отдыхая на придорожныхъ камняхъ и питаясь плодами, которые покупала у поселянъ. Такъ добрѣла я до Палестрины и въ изнеможеніи упала посреди дороги, гдѣ и нашелъ меня нашъ добрый священникъ. Онъ привелъ меня въ свой домъ, разспросилъ обо всемъ подробно и помогъ мнѣ купить эту хижину, въ которой мы живемъ и въ которой ты родился.

— А гдѣ же отецъ, мама? Что случилось съ нимъ?

— Отца твоего кредиторы засадили въ тюрьму, гдѣ онъ умеръ два года тому и ты, дитя мое, осталось един-

ственнымъ моимъ счастьемъ, единственнымъ моимъ сокровищемъ и достояніемъ.

— Такъ я твое сокровище, твое единственное достояніе, мама, хорошо же, теперь уже мое дѣло промыслить тебѣ ужинъ.

Въ эту минуту съ колокольни палестринской церкви раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Алонзо вскочилъ и бросился бѣжать. Онъ бѣжалъ въ церковь, куда шло множество народу, такъ какъ день былъ праздничный. По дорогѣ встрѣтилъ богато одѣтаго мальчика, который шелъ съ своею няней. Онъ держалъ въ рукахъ ломоть хлѣба съ масломъ.

— Кушай же свой хлѣбъ, сказала ему няня.

— Не хочу, я сытъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Онъ сытъ, сказалъ Алонзо, счастливецъ! Да ты вѣрно никогда и не бываешь голоденъ?

— А ты голоденъ? обернулся къ нему мальчикъ.

— Я никогда не бываю сытъ, отвѣчалъ Алонзо.

— Возьми мой хлѣбъ и кушай.

Но нянька грубо оттолкнула Алонзо, обозвавъ его бродягой, нищимъ и увела своего питомца.

— Бродяга, нищій! простоналъ бѣдный Алонзо, схвативъ себя за голову. Ну что же, я буду нищимъ. Для голодной мамы буду просить милостыню и Алонзо протянулъ дрожащую руку прохожимъ.

Прошли мужчины, прошли женщины веселыя, нарядныя, никто не обратилъ вниманія на протянутую руку бѣднаго мальчика и Алонзо вошелъ въ церковь.

Церковь была полна народа. Бѣдный Алонзо пробрался въ придѣлъ Богоматери и бросился на колѣни передъ ея изображеніемъ. Горячо молился мальчикъ, слезы градомъ сыпались по его щекамъ: „Дѣва Марія, пошли намъ хлѣба! шепталъ онъ: Матерь Божія, сжался надъ нами!“ Мало по малу молитва такъ увлекла его, что онъ запѣлъ свою пѣснь Дѣвѣ Маріи. Свѣжій, серебристый голосъ его звонко раздался подъ сводами храма, всѣ обернулись въ его сторону, не понимая, что это значитъ. Священникъ, взшедшій на

каеэдру чтобы говорить проповѣдь, остановился и сталъ слушать. Въ сильномъ волненіи онъ сошелъ съ каеэдры и направился къ придѣлу Богоматери. Увидавъ священника, Алонзо вскочилъ и собрался бѣжать, но священникъ взялъ его за руку, положилъ ему въ шапку мелкую серебряную монету и, обращаясь къ прихожанамъ, громко сказалъ: „Кто приѣмлетъ единого изъ малыхъ сихъ во имя Мое, тотъ Меня приѣмлетъ!“ Всѣ, находившіеся въ церкви, окружили мальчика и въ шапку его посыпались серебряныя и мѣдныя монеты.

— Довольно, довольно, говорилъ мальчикъ. Благодарю васъ всѣхъ за мать мою и за себя. Шапка его была полна. Алонзо бросился вонъ изъ церкви, крѣпко держа въ рукахъ шапку съ деньгами. Онъ не шелъ, но лѣтъ къ своей мамѣ, повторяя—мама! мама! Милая, дорогая мама!—Быстро вбѣжалъ онъ въ хижину и опускаясь передъ матерью на колѣни, положилъ передъ нею свою шапку съ деньгами.

— Возьми, возьми, милая моя мама, говорилъ запыхавшійся ребенокъ, обнимая колѣни матери.

Съ этого времени Алонзо сталъ пользоваться своимъ голосомъ, но никогда не употреблялъ его во зло. Онъ пѣлъ у дверей церкви только тогда, когда въ домѣ не было денегъ, стало быть, не было и хлѣба.

Прошелъ годъ. Андрей Валькелеръ снова посѣтилъ Палестрину. Алонзо, благодаря своему голосу, былъ уже извѣстенъ во всемъ околоткѣ и Валькелеру посѣщили сообщить о чудномъ дарѣ бѣднаго ребенка. Музыкантъ вспомнилъ своего маленькаго друга и пошелъ отыскивать уже знакомую ему бѣдную хижину.

Былъ чудный вечеръ и Алонзо по обыкновенію въ кустахъ жасминовъ пѣлъ свою пѣснь Богородицѣ, когда замѣтилъ, что около забора его садика остановился какой-то мужчина. Онъ тотчасъ же узналъ своего друга Андрея Валькелера и и бросился къ нему. Долго разговаривали друзья наконецъ Валькелеръ просилъ его спѣть что нибудь. Мальчикъ запѣлъ,

Валькенера былъ пораженъ. Чудный голосъ Алонза сильно развился и окрѣпъ. Валькенера вошелъ въ хижину, познакомился съ матерью Алонза и сталъ уговаривать ее отдать ему сына. Долго не рѣшалась бѣдная вдова разстаться съ своимъ единственнымъ ребенкомъ, но наконецъ согласилась ради пользы и будущаго счастья своего сына, и Алонзо вскорѣ покинулъ свою дорогую мать и вѣчно голубое небо Италіи; онъ уѣхалъ съ своимъ другомъ ВалькENEROMъ. Послѣдній сталъ учить мальчика музыкѣ и пѣнію, успѣхи превзошли ожиданіе, такъ что Валькенера передалъ его знаменитому въ то время музыканту Клавдію Гудиспелъ, у котораго Алонзо покончилъ свое музыкальное образованіе и сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Джіовани-Піетро-Алонзо де-Палестрино. Впослѣдствіи Палестрино положилъ начало духовной или лучше церковной музыкѣ, именно въ то время когда музыка эта пришла въ такой упадокъ въ Италіи, что папа Марціаль II намѣревался уже изгнать ее изъ храмовъ.

Послѣ Тридентскаго собора въ 1565 году Палестрино было поручено исправить церковную музыку и онъ написалъ три обѣдни, изъ которыхъ одна извѣстна и нынче подъ именемъ *Messa Marcelli*. Потомъ онъ былъ сдѣланъ капельмейстеромъ въ церкви Санта Марія Маджіора и въ 1571 году капельмейстеромъ въ соборѣ Св. Петра въ Римѣ.

Палестрино умеръ 2 февраля 1594 года и погребенъ въ соборѣ Св. Петра подъ алтаремъ Симеона и Іуды. При его отпѣваніи была исполнена обѣдня, написанная имъ самимъ. Сочиненія Палестрино и до сихъ поръ часто исполняются въ Италіи. Въ Римѣ, въ Сикстинской капеллѣ, въ Страстную Пятницу ежегодно исполняется сочиненная имъ пѣснь *Stabat Mater dolorosa* *). Музыкальные произведенія Палестрино хранятся въ архивахъ собора Св. Петра въ Римѣ.

Е. Бороздина.

*) Пѣснь эта соотвѣтствуетъ нашей молитвѣ: Не рыдай мене Мати и пр.

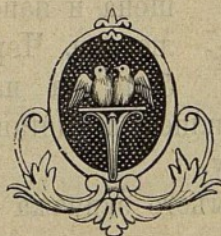
ЗВУКИ.

АКЪ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ,
Звуки несутся съ какимъ-то стремленьемъ,
Звуки откуда-то льются вокругъ.

Сердце за ними стремится тревожно,
Хочетъ за ними куда-то летѣть—
Въ эти минуты растаять бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.

Н. Р.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

ПУСТИТЕ шлюпку, крикнулъ капитанъ.

Въ минуту шлюпка была спущена и наполнена вооруженными людьми. Черезъ десять минутъ мы были на палубѣ чужаго судна и удивились представившемуся намъ зрѣлищу.

Вмѣсто экипажа изъ моряковъ, стояло на шканцахъ человѣкъ пятнадцать полуобнаженныхъ негровъ. Только на одномъ изъ нихъ была надѣта пара широкихъ шароваръ, да на другомъ—фартукъ и черная поярковая шляпа. Начальникъ этого

ШКОЛА МИССИОНЕРОВЪ НА ОСТРОВЪ ТИХАГО ОЦЕАНА.

экипажа былъ высокій 'мужчина среднихъ лѣтъ, съ кроткимъ, простодушнымъ лицомъ. На немъ была бѣлая коленкоровая рубашка, длинный сюртукъ, на головѣ соломенная шляпа, ноги до колѣнъ обнажены.

— Кто командуетъ этимъ кораблемъ? спросилъ нашъ капитанъ, подходя къ этому человѣку.

— Я, капитанъ, отвѣчалъ онъ, снявъ свою шляпу и низко кланяясь.

— Вы? сказали капитанъ съ удивленіемъ.—Откуда вы и куда ѣдете? какой товаръ везете?

— Мы ѣдемъ изъ Айтутаки въ Раротойчу,—мы туземное миссіонерское судно, имя наше „Оливковая вѣтвь“, грузъ нашъ: кокосовые орѣхи, семьдесятъ свиней, двадцать кошекъ, да Евангелія.

Экипажъ нашъ расхохотался.

Капитанъ остановилъ этотъ смѣхъ и привѣтливо улыбаясь, радушно подаль миссіонеру руку, говоря:

— Очень радъ, что столкнулся съ вами, желаю вамъ всякаго успѣха въ вашихъ миссіонерскихъ предпріятіяхъ. Пойдемте въ вашу каюту,—я желаю поговорить съ вами съ глазу на глазъ.

Миссіонеръ, взявши за руку капитана, сказалъ:

— Очень радъ, что ваше судно торговое, а мы приняли его за пирата!

Черезъ четверть часа они вышли на палубу, капитанъ нашъ, радушно пожимая руку миссіонеру, велѣлъ спускать шлюпку и мы вернулись на шкуну.

Вскорѣ „Оливковая вѣтвь“ далеко осталась за нами.

— Дивлюсь, сказали одинъ изъ матросовъ,—ради чего капитанъ нѣжничалъ съ этимъ долгополымъ, будь это обыкновенное торговое судно, онъ взялъ бы съ него свиней и пожалуй пустилъ его ко дну со всѣмъ экипажемъ.

— Миссіонеръ этотъ посланъ на одинъ изъ тѣхъ южныхъ острововъ, куда долженъ пристать корабль нашъ, а это капитану и надобно. Если капитанъ пойдетъ за сандаломъ

на острова Фиджи,—то мы увидимъ тамъ этихъ черныхъ джентльменовъ, во всей ихъ красотѣ. Торговля на островахъ, гдѣ есть миссіонеры, идетъ какъ по маслу.

— Ральфъ Роверъ, крикнулъ голосъ изъ люка,—капитанъ тебя требуетъ.

Возвратясь на палубу, я старался разузнать отъ Билля на счетъ миссіонера, и точно ли шкуна торгуетъ сандаломъ.

— Точно торгуетъ, отвѣчалъ Билль, тѣмъ не менѣе это судно разбойничье. Черный флагъ не обманулъ тебя. Оно торгуетъ, когда не можетъ забрать силою. Если бы ты видѣлъ какія кровавыя сцены происходятъ на этой палубѣ, то не спросилъ бы—пираты мы или нѣтъ. Капитанъ покровительствуетъ миссіонерамъ потому, что имъ лучше всѣхъ удастся приручать островитянъ. Намъ лежитъ путь между группою острововъ, гдѣ мы подвергаемся нападенію туземцевъ, и опасности отъ множества коралловыхъ рифовъ. Однажды мы плыли между острововъ, большинство которыхъ казалось необитаемо, мы нуждались въ водѣ, капитанъ велѣлъ спустить шлюпку и захватить на берегу воды. Только что мы приблизились къ берегу, какъ толпа негровъ высыпала изъ-за кустовъ, угрожая копьями, мы безъ малѣйшихъ знаковъ непріязни подѣхали къ берегу, желая переговорить съ островитянами, многіе изъ нашихъ знали ихъ языкъ. Только что нашъ мичманъ обратился къ нимъ, какъ они отвѣтили градомъ камней. Мы хотѣли сдѣлать залпъ, капитанъ крикнулъ:

— Не стрѣлять! Гребите къ точкѣ что впереди васъ. Мы повиновались.

Едва мы отѣхали, какъ раздался выстрѣлъ изъ пушки и градъ картечи посыпался въ центръ массы дикарей. Уцѣлѣвшіе бросились въ лѣса.

— Гребите къ берегу, ребята, крикнулъ капитанъ.

Добравшись устья рѣчки, мы наполнили бочки водою, кровь стынетъ въ жилахъ при воспоминаніи о несчастныхъ раненыхъ и убитыхъ.

Вскорѣ попутный вѣтеръ унесъ насъ отъ этого ужаснаго мѣста, но не унесъ тяжелаго, страшнаго воспоминанія, которое осталось въ душѣ моей.

Капитанъ стоялъ, облокотясь о бортъ шкуны, покуривая сигару и любясь восхитительной картиной пронесившихся передъ нами острововъ, покрытыхъ прелестною зеленью.

XX.

Билль—сообщникъ.—Волканъ.—Начальникъ острововъ Фиджи. Удивительные воды.

Все случившееся казалось мнѣ сновидѣньемъ. Я рѣшился убѣжать на первый островъ, куда мы причалимъ. Планъ мой я сообщилъ Биллю. Онъ покачалъ головой и сказалъ:—„нѣтъ, Ральфъ, о побѣгѣ нечего и думать. Есть такіе острова, что это будетъ изъ огня да въ полымя. Туземцы съѣдятъ тебя.

— Съѣдятъ меня! сказалъ я съ изумленіемъ. Я думалъ они ѣдятъ только своихъ непріятелей.

— Гм, отвѣчалъ Билль. Вѣроятно англичане вбили тебѣ это въ голову. Дикари острововъ Фиджи ѣдятъ даже и другъ друга. Я, Ральфъ, посѣщалъ въ качествѣ торговца многіе острова Тихаго океана, и знаю хорошо какъ торговцевъ, такъ и туземцевъ.

При этомъ онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько случаевъ жестокости тѣхъ и другихъ.

Слушая эти разсказы, я упалъ духомъ и не зналъ что мнѣ дѣлать.

— Вотъ, продолжалъ Билль, если капитанъ остановится около Таити—мы могли бы убѣжать; тамъ туземцы христіане. Принявши христіанство, туземцы отказываются отъ своихъ кровавыхъ обычаевъ и имъ довѣриться можно. Только когда мы подходимъ къ этимъ островамъ, то капитанъ смотритъ зорко. Впрочемъ я все обдумаю и приготовлю къ побѣгу.

Облокотясь о бортъ корабля, устремивъ взоръ на искрящіяся волны, я думалъ о своемъ безотрадномъ положеніи и о друзьяхъ моихъ.

Мечты мои были прерваны заревомъ освѣтившимъ горизонтъ съ юга и окрасившимъ пурпуровымъ отблескомъ море, при этомъ слышался рокотъ, походившій на отдаленный крикъ. Небо надъ нами потемнѣло и подулъ порывистый вѣтеръ. Экипажъ быстро собрался на палубу, капитанъ объявилъ, что мы близъ волкана. Пока онъ говорилъ, сталъ падать мелкій пепель. Почти всю ночь горѣло зарево и слышался грохотъ. Я вспомнилъ слова Джека, что многіе изъ острововъ Тихаго океана дѣйствующіе или угасшіе волканы.

Проѣхавши мимо волкана, мы очутились противъ роскошнаго, цвѣтущаго острова, окруженнаго еще четырьмя такими же островами.

— Это островъ Емо, сказалъ Билль, я не разъ бывалъ на немъ. Онъ славится сандаломъ. Мы нагружали здѣсь шкуны сандалнымъ деревомъ; а такъ какъ капитанъ ихъ обманывалъ, то они перестали намъ довѣрять. Кромѣ того сами матросы вели себя дурно.

Вскорѣ мыплыли въ коралловый рифъ и стали на якорь противъ устья небольшой бухты, берегъ которой густо поросъ мангустановыми рощами и тѣнистыми деревьями. Капитанъ велѣлъ спустить шлюпку, сѣлъ въ нее съ пятнадцатью вооруженными матросами и крикнулъ:

— Гребите, ребята!

Лодка отодвинулась отъ шкуны и черезъ нѣсколько минутъ достигла берега.

Главный начальникъ острова—Ромато—принялъ насъ радушно, повелъ къ себѣ въ домъ и усадилъ на циновки. Тутъ было до тысячи человекъ туземцевъ, большая часть ихъ была безъ оружія. Послѣ краткаго разговора Ромато угостилъ насъ разными плодами, кореньями и жареной свининой. Капитанъ объяснилъ ему съ какой цѣлью онъ пріѣхалъ,

потомъ изъявилъ сожалѣніе, что въ послѣднее ихъ свиданіе встрѣтились между ними нѣкоторыя непріятности.

Ромато отвѣчалъ, что имъ позабыты эти недоразумѣнія, и онъ готовъ оказать ему всевозможное содѣйствіе въ рубкѣ сандальнаго дерева. Затѣмъ были заключены условія и мы отправились на шкуну.

Ромато проводилъ насъ на корабль и попросилъ позволенія представить капитану находившагося у него въ гостяхъ начальника сосѣдняго острова. Капитанъ согласился, и Ромата послалъ за пріятелемъ свой челнокъ, вмѣстѣ съ этимъ отдалъ приказъ привезти на шкуну своихъ любимцевъ: пѣтуха и попугая.

Ромато былъ еще довольно молодой человѣкъ, высокаго роста, плотнаго сложенія, черная борода его, усы и волосы на головѣ черные были круто завиты, и такъ взбиты, что походили на огромную чалму, въ нихъ воткнута была длинная деревянная булавка.

Черезъ нѣсколько минутъ челнокъ привезъ начальника гостя самаго страннаго вида. Одна половина лица его была выкрашена въ красную краску, а другая въ желтую и разрисовано все черными узорами. Въ остальномъ онъ походилъ на Ромату. Кромѣ лоскутка сукна, другой одежды на нихъ не было. Въ торжественные дни Ромато накидывалъ на себя родъ эпанчи съ широкими складками изъ туземной ткани. Гость былъ пораженъ изяществомъ шкуны и особенно мѣдной пушкой, изъ которой капитанъ велѣлъ сдѣлать залпъ для удовольствія посѣтителей.

Желая узнать силу выстрѣла, Ромато попросилъ зарядить ее ядромъ и выстрѣлилъ въ виднѣвшуюся скалу. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ и скала разлетѣлась въ дребезги.

Ромато пришелъ въ восторгъ, попросилъ выстрѣлить въ проходившаго по берегу человѣка, и очень разсердился, когда капитанъ отказалъ ему и приказалъ убрать пушку.

Гостю больше всего понравился корабельный насосъ— онъ все время выкачивалъ имъ воду, и такъ увлекся этимъ

дѣломъ, что не могли уговорить его вернуться на берегъ. Мало того, онъ послалъ челнокъ за своей любимой скамеечкой, уѣлся и продолжалъ выкачивать воду изъ корабля.

На слѣдующій день экипажъ, вооружившись, вышелъ на берегъ, чтобы рубить сандалное дерево. Капитанъ съ двумя матросами остался на кораблѣ съ пушкой на всякой случай, наведенной на домъ начальника. Мнѣ поручено было наблюдать за работами.

Когда мы, сопровождаемые свитой туземцевъ, гуськомъ проходили роскошными благовонными рощами банановъ, кокосовъ, хлѣбныхъ и другихъ деревьевъ, я замѣтилъ много сливныхъ деревъ и смоковницъ, также много таро, ямса и сладкаго картофеля за изгороднями. Въ просѣкѣ мы наткнулись на группу туземныхъ домовъ изъ бамбука, крытыхъ широкими листьями пандана. Въ домахъ и кругомъ нихъ находились группы туземцевъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Пройдя въ глубь острова, гдѣ росло сандалное дерево, матросы принялись за работу, а я забрался на сосѣдную гору, чтобы обозрѣть мѣстность. Въ полдень намъ принесли обѣдъ.

Между туземцами я видѣлъ много свѣтлокожихъ. Мнѣ сказали, что это жители Тоневнскихъ острововъ, которые приѣзжаютъ сюда съ Востока, строить большіе военные челноки, что и продолжается довольно долго. Поэтому, сказалъ Билль, среди этихъ черныхъ змѣй всегда встрѣчаются и свѣтлокожіе.

— Кстати о змѣяхъ, сказалъ я, странно, что я въ этой части свѣта совсѣмъ не вижу пресмыкающихся.

— Да ихъ здѣсь и нѣтъ, отвѣчалъ Билль, кромѣ ящерицъ и еще нѣкоторыхъ безвредныхъ существъ; но если ихъ нѣтъ на землѣ, за то въ водѣ не перечесть, я покажу вамъ нѣкоторыхъ.

Послѣ обѣда Билль повелъ меня въ лѣсъ къ небольшому пруду, въ сопровожденіи юнаго туземца. У пруда Билль сказалъ ему нѣсколько словъ, мальчикъ издалъ особенный свистъ,

вода взволновалась и изъ нее выставилась голова огромнаго угря, весь онъ былъ толщиною въ ногу человѣка.

— Ну, сказалъ Билль улыбаясь, какъ тебѣ нравится такой богъ, Ральфъ? Это одинъ изъ ихъ боговъ, его угощаютъ живыми младенцами.

— Младенцами? сказалъ я недовѣрчиво.

— Да, младенцами, возразилъ Билль. Они не постоянно кормятъ его живыми младенцами, но иногда подносятъ ему ихъ какъ лакомство. Ахъ! ты животное! вскрикнулъ Билль съ отвращеніемъ, толкнувъ угря въ морду своимъ тяжелымъ сапогомъ, угорь, корчась, спрятался въ прудъ. Къ счастью для всѣхъ насъ юноша туземецъ стоялъ отвернувшись все это время.

— Не возможно, Билль, чтобы матери соглашались на такія ужасныя вещи?

— Соглашались! да вѣдь матери дѣлаютъ это! На нѣкоторыхъ островахъ существуетъ одинъ изъ ихъ обычаевъ убивать дѣтей въ минуту ихъ рожденія. Убиваютъ ихъ, втыкая имъ острия бабмуковыхъ щепы въ тѣло. У меня сердце замирало отъ ужаса.

Тамъ, гдѣ удалось водвориться миссіонерамъ всѣ эти ужасы прекращаются тотчасъ же, дикари становятся добрее и распѣваютъ псалмы подобно методистамъ.

— Да благословитъ Господь миссіонеровъ, сказалъ я съ восторгомъ. Да благословитъ Господь и да поможетъ Онъ миссіонерамъ водвориться на всѣхъ островахъ океана!

Я бы сказалъ аминь на такую молитву, но не смѣю, я не рассказалъ тебѣ и половины тѣхъ ужасовъ, которые видѣлъ въ продолженіи моего плаванія по этому океану.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 августа 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.